

В сумерках с горы струйкой начали спускаться люди. Подол их одежд был подернут изморозью, а в руках красовались зеленые, как нефрит, листья лотоса. Соученики встречали их приветственными криками и следовали за ними веселой толпой.

Хэ Яньюнь спустилась с горы немного поздно. В сиянии последних лучей заходящего солнца Жуань Сяолян с первого взгляда заметила ее.

Но вовсе не из-за того, что у нее были особенно изящные движения или грациозная походка, просто... ее лист лотоса оказался невероятно большим.

У всех остальных листья были размером с блюдо или с веер... но Хэ Яньюнь держала в руках настолько огромный лист, что он полностью закрывал верхнюю часть ее тела.

Когда она сошла с горной тропы, то по дороге привлекла множество удивленных взглядов. Но поскольку такой поступок совершила юная девушка, он показался всем довольно милым.

Жуань Сяолян поспешила ей навстречу. Окинув взглядом добычу, она сказала:

— Этого... хватит на много порций.

Хэ Яньюнь гордо ей ответила:

— Конечно! Я выбрала самый большой.

Жуань Сяолян улыбнулась:

— Мы можем пригласить Дуйянь, чтобы она поела с нами.

Стоявшие рядом с ними люди пришли в замешательство, совершенно не понимая, о чем они говорят.

Тысячелистный лотос расцветал в полночь. Согласно предыдущему опыту, если его сорвать немного раньше или позже, это могло сказаться на его полезных свойствах.

Старший брат-ученик Инь останется на горе, пока не наступит нужное время, чтобы сорвать цветок, а старший брат-ученик Ло непременно составит ему компанию. Это понимали все ученики секты Цанья.

Поэтому они не стали ждать у подножия горы, пока спустится Ло Минчуань. Вместо этого они отправились обратно, пожелав им счастья и надеясь на лучшее.

Гору Чунмин окутывал густой облачный туман, сквозь который трудно было разглядеть яркую луну и россыпь звезд.

У ее подножия больше не было огромной толпы людей, которая собиралась здесь днем. Теперь здесь остались лишь тишина и покой.

Ночью на горе ветер был холодным и влажным. Инь Биюэ наблюдал, как бесчисленные листья лотоса качаются и танцуют на ветру, подобно зеленым волнам разбушевавшегося моря. Кто мог ожидать, что на вершине горы действительно окажется озеро.

Зеленые листья, темные воды озера, серебристый свет луны и облачный туман — в переплетении света и теней все это казалось нереальным миром грез.

Холодный ветер пробирал до костей, но стоило ему поднять взгляд, как мир внизу показался необъятным, а ослепительная луна в небесах — наоборот, в пределах досягаемости.

Стоя здесь, можно было почувствовать правдивость выражения "на высоте невыносимый холод"¹.

Но сейчас рядом с ним был еще один человек, поэтому в холоде этой ночи присутствовала толика тепла.

Инь Биюэ замер, словно в трансе.

Это тепло... Он не испытывал ничего подобного за всю свою долгую карьеру в роли злодея. Он сам не понял, когда это началось, но подобное ощущение стало ему уже хорошо знакомым.

Он слегка шевельнул губами, и ветер подхватил его тихий голос:

— Старший брат-ученик Ло...

Ло Минчуань не стал спрашивать у него, что произошло. Вместо этого он точно так же пристально посмотрел ему в глаза и ответил:

— Младший брат-ученик Инь.

Его взгляд был сосредоточенным и проникновенным. Казалось, в его глазах танцует лунный свет.

Инь Биюэ внезапно почувствовал, что у него дрогнуло сердце.

Он неосознанно отвернулся и посмотрел на озеро, покрытое листьями лотоса. В ту же минуту посреди темной воды появилось слабое сияние, похожее на мечущиеся огоньки светлячков или частички звезд. Они быстро вспыхивали и тут же угасали. Всего лишь одно мгновение увядающей славы, прекрасное, но мимолетное.

Ло Минчуань улыбнулся:

— Цветок скоро распустится.

Инь Биюэ немного растерялся, но его тут же потянули за запястье.

Они летели вперед, отталкиваясь от листьев лотоса. Горный ветер обдувал их лица и трепал широкие рукава одежды.

Посреди озера возник один-единственный цветок лотоса.

На изящном длинном стебле красовался крошечный и нежный нераспустившийся бутон. Сквозь щели между плотно сжатыми лепестками прорывался бесконечный поток света.

Луна сияла на западе, озаряя своим светом цветок лотоса.

Всего в одно мгновение незрелый бутон приобрел ослепительное великолепие.

Изнутри цветка исходило сияние, которое отражалось в озерной воде, заставляя ее сверкать, как драгоценные камни.

Похожий на нефрит лотос размером оказался не больше ладони, но у него было бессчетное количество лепестков, которые переплетались десятками тысяч слоев. Он представлял собой прекрасное и изящное произведение искусства, словно созданное руками небожителей.

— Младший брат-ученик, съешь его сразу же, как только сорвешь. Тогда он принесет больше пользы.

Инь Биюэ кивнул. Он протянул руку и сломал стебель. В то же мгновение сияние цветка наполовину померкло.

Ему не пришлось его жевать. Как только лотос оказался у него во рту, то сразу же превратился в жидкость. Освежающий, но не холодный поток заструился по его меридианам.

В это самое мгновение Ло Минчуань оттолкнулся от земли и отлетел назад. Тем не менее ему не удалось подавить поднимающийся в нем всплеск энергии!

Вокруг него развеивался туман, расступались листья лотоса, бурлила озерная вода и поднимались волны!

Клятва на крови сердца была исполнена.

Его уровень культивации неожиданно пропустил начальную ступень Просветления и достиг сразу средней, на которой и остановился.

Ло Минчуань опасался, что высвободившаяся при переходе на следующую ступень энергия может навредить его младшему брату-ученику, поэтому поспешно отступил подальше. И теперь он издали наблюдал за Инь Биюэ. У него было напряженное выражение лица.

Инь Биюэ почувствовал, как чистый поток силы цветка лотоса омыл все части его тела, вплоть до последней косточки. Его море познания стало как никогда ясным и спокойным.

Это чувство оказалось настолько удивительным, что он не удержался и закрыл свои глаза.

После ступени Откровения культиваторы способны увидеть внутри себя море познания, и сейчас его божественное восприятие парило над поверхностью этого моря, наблюдая, как в него втекают бесчисленные струи серебряного света. Он знал, что эти потоки света и есть то, во что превратился Тысячелистный лотос.

Все реки впадают в море. От кристально-прозрачной воды исходило серебристое сияние, как будто она сверкала в лунном свете.

Ло Минчуань увидел, как Инь Биюэ закрыл глаза. Казалось, все его тело окутало мягкое свечение, не уступающее своим величием сияющей в небе луне.

Тысячелистный лотос начал оказывать свое действие. Фактически, он заново перестраивал меридианы, поэтому природные способности его младшего брата-ученика теперь значительно улучшились.

Он слегка улыбнулся. Сейчас он испытывал больше радости, чем когда сам прорвался на следующую ступень.

Но в следующее мгновение улыбка застыла на его лице.

Инь Биюэ распахнул свои глаза. Его взгляд был ясным и холодным. Казалось, в его зрачках

промелькнул серебристый блеск.

Горный ветер трепал его белые одежды, точно так же, как и три тысячи белоснежных прядей его волос, которые походили на сверкающую водную рябь.

И в это мгновение Ло Минчуаню показалось, что он провалился в ледяную пропасть. Его сердце заполнил ужасающий холод.

Тысячелистный лотос не смог исцелить недуг белых волос его младшего брата-ученика.

Как только Инь Биюэ открыл глаза, то сразу же увидел, что Ло Минчуань поднялся на среднюю ступень Просветления. Его энергия пребывала в гармонии, и состояние было стабильным. Он уже собирался его поздравить, но внезапно заметил его потерянный вид. Поэтому Инь Биюэ окликнул его.

— Старший брат-ученик?

Ло Минчуань пришел в себя. Его взгляд упал на пряди белых волос, которые ниспадали на грудь Инь Биюэ.

Он решительно воскликнул:

— Младший брат-ученик, мы сейчас же отправимся в храм Синшань. Если нам не смогут помочь в храме Синшань, мы пойдем в храм Цзекун! Средство обязательно найдется! Все будет хорошо, поверь мне!

Инь Биюэ проследил за его взглядом и понял, в чем заключается проблема. Он поспешно принялся объяснять:

— Старший брат-ученик, все в порядке. Это не доставляет мне никаких неудобств.

Ло Минчуань решил, что младший брат-ученик просто его успокаивает, поэтому не смог принять такой ответ.

Он посмотрел в глаза Инь Биюэ и серьезно сказал:

— Мы найдем способ. Ты пойдешь со мной, да?

Центральный континент. Город Юньян.

Глава академии Ланьюань стоял в своем дворике. Листва софоры тихо шуршала от дуновения ночного ветерка.

Он смотрел на стоявшую на крыше фигуру.

Она показалась ему такой же далекой, как недостижимая луна, и такой же знакомой, как встреченный на улице приятель.

Он сказал:

— Если уж ты пришел, почему бы тебе не спуститься и не выпить чашку чая?

Их разделяло довольно большое расстояние, а его голос прозвучал негромко, тем не менее фигура на крыше спрыгнула вниз.

Плащ бился на ветру, словно расправленные крылья белой птицы, создавая ослепительный контраст на фоне темного неба. Человек легко опустился на землю во двореке.

На расстоянии трех футов от него.

Это расстояние было самым подходящим.

Глава академии Ланьюань знал: Вэй Цзинфэн оставил Бездну падающей звезды и проделал тысячи миль до города Юньян вовсе не для того, чтобы выпить с ним чаю.

Он ждал, пока тот заговорит первым.

Вэй Цзинфэн посмотрел на разбитый диск и кусок серой черепицы, которые лежали на каменном столе.

Он спас главу академии, но при этом уничтожил его артефакт.

В одном этом взгляде содержалось много смысла. Убить кого-то или спасти — для Святого эти два понятия разделял всего лишь волосок.

А затем он сказал:

— Этот старик уже говорил, тебе не следует вмешиваться в это дело.

Он говорил мрачно и назвал себя "стариком", но его голос прозвучал с легкой хрипотцой, как у юноши, у которого только что начал ломаться голос.

Все это должно было противоречить друг другу, но благодаря его манере держать себя, не возникало ощущения какой-либо странности.

Глубокий как бездна, высокий как пик, непостижимый и загадочный.

Глава академии Ланьюань ничего не ответил.

И это не было молчаливым одобрением или согласием, скорее это был молчаливый протест.

Вэй Цзинфэн, конечно же, его понял, поэтому его голос стал еще холоднее.

— Люди восхваляют тебя за умение "познать путем расчетов тайны вселенной", и ты действительно принял все это всерьез? Кем ты себя возомнил? Беспольный ученый!

Его слова были очень резкими, и слушать их было неприятно.

Беспольный ученый.

Конечно, глава академии был ученым, но он считался наивысшим ученым в этом мире. Кто посмел бы назвать его беспольным?

Уже шестьсот лет ему не доводилось слышать подобных насмешек, но он вовсе не выглядел рассерженным.

Ему даже показалось это забавным. Вот что значит не читать достаточно книг. Вся брань ограничилась одной фразой.

И тогда он действительно рассмеялся и тоже ответил одной фразой.

— Вэй Цзинфэн, я много лет не видел тебя, но твоя внешность ни капельки не изменилась.

Как только Святой меча это услышал, его голос стал еще более резким. Ветер во двореке усилился, и софора слегка задрожала.

— Розовые щеки или иссушенная кожа, все это лишь пустая внешность! Такие вещи меня не заботят!

С этими словами он сделал два шага вперед и вышел из тени, отбрасываемой крышей галереи.

В лунном свете стали хорошо видны черты его юного лица!

В своей роскошной белой накидке и расшитой облаками парчовой обуви он выглядел точь-в-точь как молодой господин — завсегдатай квартала красных фонарей.

Глава академии отступил на два шага назад.

Теперь расстояние между ними снова стало прежним.

Он понимал, что рассердил своего собеседника, поэтому предпочел сменить тему разговора.

— Что с Бездной падающей звезды?

Вэй Цзинфэн ответил:

— Она продолжает увеличиваться. Что говорит тот парень из храма Цзекун?

— Он придерживается того же мнения, что и я.

Короткие фразы, которыми они обменивались, казались непонятными и загадочными, но они имели прямое отношение к судьбе и будущему этого мира.

Под "тем парнем из храма Цзекун", конечно же, имелся в виду Мудрец У Ван.

Этот мудрец уже тысячу лет как отстранился от мирских дел, но в этом вопросе он разделял точку зрения главы академии.

Поэтому глава академии приступил к уговорам.

— Почему ты такой упрямый?

Святой меча поднял взгляд и посмотрел в недостижимую даль.

— До того, как все произойдет, никто не может знать, как сложится судьба другого человека — ни Мудрец, ни пути движения звезд, ни законы природы!

Эта фраза полностью соответствовала принципам, по которым жил Вэй Цзинфэн.

Глава академии это понимал, но все равно не мог смириться, ведь ему казалось, что именно он был прав. Не только У Ван разделял его точку зрения. Если бы другие люди знали об этом, то

сделали бы тот же самый выбор.

Поэтому он спросил Святого меча:

— Даже если тот человек принесет погибель этому миру?

1. Идиома, означающая, что люди, достигшие высокого положения, чувствуют себя одиноко.

<http://bllate.org/book/12466/1109395>